

УДК 821.161.1.09-31+929Алданов

«ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ» В РОМАНАХ М. А. АЛДАНОВА

Е. Г. Трубецкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: etrubetskova@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению различных аспектов morbidity проблематики в исторической романистике М. А. Алданова. Анализируются как традиционные для литературы функции мотива болезни (важная роль в раскрытии образов героев, развитии сюжета), так и специфические для творчества Алданова, где медицинский дискурс становится одним из языков описания катастрофической эпохи конца XIX – начала XX в.

Ключевые слова: М. Алданов, роман, morbidity, болезнь, медицина, судьба, Т. Биллрот.

‘Case History’ in M. A. Aldanov’s Novels

E. G. Trubetskova

The article deals with different aspects of morbidity problem range in M. A. Aldanov’s historic novels. The author analyzes both traditional literary functions of the illness motives (their important role in unfolding the characters’ portraits, in plot development) and those peculiar for Aldanov’s oeuvre, where the medical discourse becomes one of the languages to describe the catastrophic epoch of the end XIXth – beginning XXth centuries.

Key words: M. Aldanov, novel, morbidity, illness motive, medicine, fate, T. Billroth.

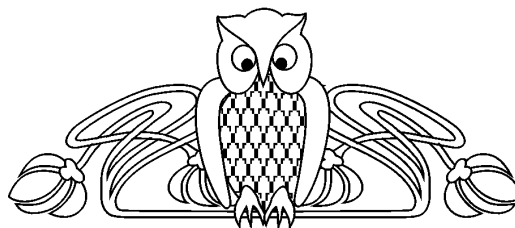
DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-323-326

Так как лечение – одно из любезнейших удовольствий человека, то ради этого удовольствия приходится жертвовать здоровьем.

М. Алданов

Болезнь традиционно приковывает внимание писателей. Она позволяет ввести в сюжет момент непредсказуемости, поставить героя перед необходимостью ответа на экзистенциальные вопросы, дает возможность читателю не только ощутить страдания персонажа, но и визуализировать их. Исследователи пишут, что в оппозиции здоровье/болезнь именно болезнь связана с событийным началом, и это позволяет рассматривать ее как «текстопорождающий механизм»¹. Болезнь – физическое страдание – становится испытанием духовных сил героя, побуждает пересмотреть ценностные приоритеты, подвести итоги.

В русской культуре XX в. оппозиция болезнь/здоровье получает дополнительные коннотации. Если в первые послереволюционные годы в метрополитанской литературе физические страдания, инвалидность, болезнь осмыслились как необходимые испытания для формирования настоящего

революционного характера (классический пример – автобиографический роман Н. Островского «Как закалялась сталь»), то позднее – к середине 1930-х – формируется стереотип восприятия физического несовершенства как неполноценности, не только телесной, но и духовной. Советское общество, в отличие от «загнивающей» культуры Запада, должно было стать обществом здоровых, сильных, совершенных людей².

У многих авторов, не вписывающихся в официальный контекст, тема болезни занимает значительное место. Здесь можно вспомнить Булгакова, Пастернака, Кржижановского, Хармса; в эмигрантской литературе – Алданова, Набокова, Поплавского, Ремизова. При всей разности разработки этой темы в текстах названных писателей нет кода свой/чужой в восприятии оппозиции здоровье/болезнь³.

В романах Марка Алданова болезнь является одной из сквозных тем, образы больных и врачей встречаются с поразительной частотой. Писатель изображает заболевания и реальных исторических лиц (Екатерины II, Наполеона, Бетховена, Бальзака, Бисмарка, Бакунина, Достоевского, Вагнера, Эйнштейна), и вымышленных героев (Дюммлера в «Истоках»), жены Лейдена в «Повести о смерти», Вермандуа и Кангарина в «Начале конца»). Возникает вопрос, зачем писатель заставляет болеть своих персонажей?

Насколько возможно точно стремится Алданов при изображении болезни героев использовать существовавшие в то время диагнозы (например, грудная жаба – *angina pectoris*, как раньше называли приступ стенокардии, ошибочно связывая ее с нарушением дыхания) и принятые тогда методы лечения. Так же, как Л. Н. Толстой и А. П. Чехов, Алданов скептически относится к медицине, претендующей на звание *науки*, дающей человеку надежду на возможность изменения своей судьбы. Имея естественнонаучное образование (он был химиком), Алданов одним из первых ставит вопрос об относительности медицинского знания. Это становится очевидным при анализе изображаемых автором существовавших в XIX в. методов лечения.

Как правило, описываются они без авторской оценки или комментария. Но при сопоставлении их с современными познаниями даже рядового человека рождается ирония. Доктор Кноте («Повесть о смерти») лечит графиню Ганскую от

подагры, заставляя ее «опускать ноги во внутренности только что зарезанного поросенка», «синюю болезнь» – холеру – пытались лечить «ваннами, теплым молоком, зельтерской водой и пиявками», из предохранительных мер рекомендовалось «носить шубу и кожаные перчатки». Большим же «первым делом, пускали кровь»⁴.

В романе «Истоки» автор касается спора разных школ в медицине, с трудом принявших концепцию Пастера – Листера о необходимости антисептики. Даже великий хирург Билльрот считал антисептику «отчасти вредным модным увлечением», так как получалось, что и «он сам, и все врачи за три тысячи лет лечили, не зная, от чего они лечат». Кроме того, Билльроту «по его рационалистическим взглядам, по его оптимистическому мировоззрению, по его жизнерадостной природе, была тяжела мысль, будто у человека есть какие-то невидимые враги, на каждом шагу его подстерегающие»⁵.

Алданов скептически относится к возможностям медицины кардинально изменить здоровье, а значит, и судьбу человека. Один из его «мыслителей», Пьер Ламор, в «Девятом термидора» прямо озвучивает авторскую идею: «Один врач лечит почки, но вредит этим желудку. Другой пытается излечить желудок и губит печень <...> Лечить человека невозможно. Сегодня врачи объявляют вредным то, что еще вчера признавали спасительным» (I, 186).

Но следует указать на различие в отношении писателя к медицине и к роли врача. В отличие от Толстого, пишущего о «невежественном апломбе» и цинизме врачей, Алданов в «Истоках» показывает читателю и подлинного профессионала – знаменитого хирурга Билльрота. Сцена проводимой им операции становится одним из кульминационных моментов произведения.

В романе Алданова вымышленного героя Дюммлера оперирует врач, у которого был реальный исторический прототип. Теодор Билльрот (1829–1894) был всемирно известным венским хирургом. Среди его открытий – возможность операции на внутренних органах человека. В 1880 г. он впервые произвел резекцию желудка. Действие романа Алданова происходит в конце 1880 – начале 1881 г., и Билльрота выписывают из Вены для удаления у Дюммлера камней из желчного пузыря. Но уже во время осмотра хирург подозревает опухоль и не надеется на благополучный исход. Его опасения оправдываются: опухоль, оказавшаяся гораздо больше, чем он ожидал, удаётся удалить, но к концу дня больной умирает.

Большой интерес представляет сопоставление образа Билльрота у М. Алданова и реальных деталей биографии и черт характера врача. В романе дважды упоминается, что Билльрот второй раз видит Петербург, в прошлый раз его приглашали на консультацию к Некрасову. Реальный хирург действительно консультировал Некрасова, а позже – Пирогова, которого считал своим учителем, причем оперировать его отказался.

Операция в романе оказывается неудачной. Всю ответственность хирург берет на себя. Его авторитет позволяет ему работать без оглядки на то, что скажет «медицинский мир». Он может себе позволить рисковать, если, на его взгляд, этого требуют интересы больного. Как пишет М. Шойфет: «Профессор Билльрот <...> первым решился публиковать отчеты о своих операциях, хотя часто они были неутешительными. “Неудачи нужно признавать немедленно и публично, ошибки нельзя замалчивать. Важнее знать об одной неудачной операции, чем о дюжине удачных”, – говорил Билльрот»⁶. Алданов подчеркивает, что Билльрот «находил красоту даже в некоторых хирургических операциях, иногда и в неудачных, – как знатоки шахматной игры порою любят красоту проигранных партий» (V, 243).

Описывая саму операцию, Алданов уподобляет технику хирурга виртуозной игре музыканта. «Билльрот работал то правой, то левой рукой, держал скальпель то наподобие карандаша, то наподобие смычка. Врачи впились глазами в его руки совершенно так, как Иосиф Рубинштейн смотрел на руки игравшего Листа» (V, 246). Данное сравнение не нарочито. Виртуозная игра Листа в доме Вагнера, гениальная способность запоминать сложнейшие партитуры после первого прочтения изображены несколькими сценами ранее – это одна из сюжетных линий «Истоков». Алданов подчеркивает, что сам хирург был неравнодушен к музыке, ощущал потребность играть перед тяжелой операцией (что шокирует близких Дюммлера), разбирался в музыке профессионально: «Произведения Брамса всегда впервые исполнялись в доме Билльрота; в Вене шутили, что он имеет на Брамсову музыку право первой ночи» (V, 242). Исторический Билльрот действительно был талантливым пианистом и скрипачом. И современники сравнивали скальпель в его руках со смычком. Он дружил с Брамсом, с которым познакомился в 60-е гг., и композитор посвятил ему два своих сочинения. Он и умер во время игры на фортепиано. Употребленное Алдановым сравнение операционной техники с игрой Листа интересно еще и тем, что в реальности Билльрот и Брамс не принимали реформаторских идей Вагнера и Листа. Но в контексте романа настоящее искусство, высокий профессионализм снимают идейные противоречия.

Изображение болезни позволяет писателю показать и сущность человеческих отношений. Автор описывает страдания больных и уделяет большое внимание изменившейся обыденной жизни их родственников. И здесь непоказное самоотречение жены главного героя в «Повести о смерти» является редким исключением. Автор иронично изображает «поэзию болезни»: множество взаимных уступок, приглушенные разговоры, отказ от светской жизни (в доме Дюммлера). Он не только показывает все отталкивающие стороны физической немощи (гангрена у Бальзака в «Повести о смерти»), неизбежное изменение характера больного (у Дюммлера и

Бисмарка в «Истоках», Кангарина и Вермандуа в «Начале конца»), но и детально описывает совсем непоэтическую скуку. «Юрий Павлович болел слишком долго, знакомым надоело посещать его, – точно у людей было смутное чувство, что он должен, наконец, либо выздороветь, либо, уж если на то пошло, поскорее умереть» (V, 177). Изображается «незаметная, никого не трогающая каторга» обыденной жизни близких людей, ухаживающих за больным. «Знаете прозу болезней? Я видел, как Сара Бернар умирает в “Даме с камелиями”. Очень красиво и поэтично, но на самом деле люди умирают от чахотки совсем не так» (V, 422).

Тяжелая болезнь героя позволяет писателю показать суетность жизни, всю незначительность волнующих человека проблем. При смертельной болезни Дюммлера волнуется, сколько визитных карточек оставлено, кто именно приезжал справиться о его здоровье, до слез трогает его появление адъютанта наследника престола. В. Кизеветтер писал: «“Суета сует” – вот лейтмотив всей истории человечества. Такова центральная тема всех исторических повествований М. Алданова»⁷. Изображение болезни дает возможность писателю с разных ракурсов раскрыть эту тему. Суетность и мелочность кажущихся важными сторон жизни осознается в итоге и самими героями: «Господи, как верны все общие места! Действительно, нет ничего, что шло бы в сравнение с ужасами кончающейся жизни, неизлечимой болезни, близкой смерти» (V, 119).

В исторических романах М. Алданова как «своего рода точки отсчета» (выражение автора) присутствуют портреты реальных исторических личностей: политиков, государственных деятелей, музыкантов, писателей, ученых. При их описании автор особо останавливается на характеристике заболеваний, которым они были подвержены. Болезнь показывает героя с неожиданной стороны, позволяет создать не парадный портрет, а образ реального человека. Часто подобные описания лишены какой бы то ни было поэтичности (припадки истерики и обстоятельства смерти Екатерины II, падающая болезнь (эпилепсия) Достоевского, сердечные приступы у Бакунина, нервное расстройство Вагнера).

В отношении к болезни ярче раскрывается характер человека. Показательна здесь констатация заболеваний у «железного канцлера» Бисмарка. Анализируя политические ходы канцлера, его отношения с дипломатами и императором Вильгельмом, Алданов подчеркивает, что это был тяжело больной человек. «У него были невралгия лица, тик, подагра, воспаление вен, мигрени, геморрой, несварение желудка, сильнейшие боли в левой ноге. Врачи вдобавок подозревали у него рак печени в результате злоупотребления спиртными напитками, – и продолжали подозревать еще двадцать пять лет до самой кончины князя» (IV, 496).

Понять характер этого человека, во многом повлиявшего на судьбы Европы, помогает его отношение к себе и к врачам. После того, как снова возникло подозрение на рак, «канцлер советовался

с врачами – и обычно делал все, что они запрещали. Съедал в день по два фунта колбасы и пил больше, чем прежде. Говорил, что порядочный человек не имеет права умирать, пока не выпьет в жизни пять тысяч бутылок шампанского<...> Князя позднее вылечил доктор Швенингер. Этот малоизвестный, кем-то ему рекомендованный врач, осмотрев его, предписал ему питаться исключительно селедкой. – “Да вы, очевидно психопат! Совершенный психопат!” – сказал Бисмарк. Швенингер посоветовал обратиться к ветеринару и ушел, хлопнув дверью. Изумленный князь послал за ним и говорил, что селедка вылечила его от рака» (V, 502).

Сюжетная линия Бисмарка – один из ярких примеров размышлений Алданова о том, что болезнь обусловлена не только физическим состоянием больного, объективными причинами, но и психологическими факторами, готовностью/неготовностью человека быть больным. Интересно, что идеи Алданова пересекаются и в некоторой степени превосходят современные концепции, подвергающие ревизии отношения к получению нового медицинского знания и отношения врач – пациент. В 1951 г. Т. Парсон обосновал концепцию «роли больного» (“sick role”), суть которой в том, что больные становятся больными не тогда, когда у них что-то «болит», а когда они готовы стать пациентами. В 70-е гг. И. Иллич занимался изучением проблемы, почему человек становится «пациентом». И, как следует из его исследования, соматическая потребность избавления от боли здесь не на первом месте⁸. Подходы современной биологической этики основаны на исключении врачебного давления на пациента и перехода от патерналистической модели отношения к коллегиальной, которая требует от пациента большей автономии и активного, информированного участия в принятии решения о лечении.

Болезнь ставит человека перед выбором, и в этой пороговой ситуации происходит у Алданова проверка героев, исторических и вымышленных. Человек остается один на один с собой и часто впервые задумывается о своей судьбе. Нарушаются привычные социальные роли, возникает повод для переоценки жизненных приоритетов. Неизбежно каждый из героев начинает искать свой «выход»: принять судьбу или попытаться ее изменить, оспорить. Возникает один из центральных алдановских мотивов – самоубийство (это слово стало и заглавием одного из романов писателя). Авторская симпатия всегда на стороне персонажей, ответственных за свои поступки, автономных в поведении, что проявляется и в условиях заболевания и угрозы смерти.

Думается, что обращение к теме болезни у Алданова связано с главной темой его творчества – с размышлением о роли случая в истории и судьбе отдельного человека. В отличие от исторического детерминизма, принятого в советской историографии, Алданов, не отвергая «цепей причинности», писал о принципиальной

непредсказуемости исторического процесса, обусловленной абсолютно случайным скрещением бесконечного множества таких цепей⁹.

В центре романов писателя – переломные моменты истории России и Франции на протяжении двух веков (девятое термидора, заговор против Павла I, убийство Александра II, появление на политической арене Ленина и Муссолини, Октябрьская революция): те моменты, где развитие истории было непредсказуемым и случай играл ключевую роль. В жизни героев, и вымышленных, и исторических, писателя интересуют тоже исключительные, поворотные ситуации. Болезнь становится своеобразной точкой бифуркации в судьбе героя. И в описании болезни воплощаются размышления автора о случайности и предопределенности, непредсказуемости и детерминированности окружающего мира.

Развивая концепцию С. Сонга о болезни как метафоре, проецирующейся на разные сферы культурной, общественной и политической жизни¹⁰, представляется возможным говорить о том, что изображение болезни у Алданова является метафорой кризисного состояния эпохи, как позднее у Солженицына в «Раковом корпусе» болезнь героя становится метафорой гигантской опухоли ГУЛага, поразившей страну. В «Истоках», где, по наблюдению Т. Дроновой, «возрастает, по сравнению с произведениями 1920–1930-х гг., роль автора-повествователя как комментатора “подлинного” смысла исторических событий»¹¹, подробные описания воспаления легких и рака желудка у Дюммлера, многочисленные болезни Бисмарка и Бакунина, эпилепсия Достоевского, сочетание «необычайной <...> жизненной силы» (V, 160) с психической неуравновешенностью и припадками бешенства у Вагнера воссоздают нервную, болезненную атмосферу эпохи, в которой кроются «истоки» исторических катастроф России и Европы XX в. Исследуя «болезнь» общества, Алданов показывает ситуацию выбора, в которой был возможен и благоприятный исход: «Россия сейчас на волосок от того, чтобы в политическом отношении превратиться во вторую Англию» (V, 291). Но народовольцы убивают Александра II в тот момент, когда им был уже подписан проект Конституции. «Клио выбирает почему-то из многих наихудший вариант» (А. Кушнер).

В романах Алданова медицинский дискурс становится одним из языков описания катастрофической эпохи конца XIX – начала XX в. Возникает сопоставление роли политика, пытающегося повлиять на ход истории, и действий врача. То,

что легко визуализирует и переживает читатель, представляя болезнь «частного» человека, метафорически переносится писателем на осмысление исторического процесса. История для Алданова во многом оказывается историей болезни – *anamnesis morbi* – со всей ее драматичностью и перипетиями.

Примечания

- ¹ Гончаров С., Гончарова О. Врач и его биография в русской литературе // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. № 6. Warszawa, 2001. S. 225.
- ² См.: Гудкова В. Рождение советских сюжетов: Типология отечественной драмы 1920-х – начала 1930-х годов. М., 2008; Тамручи Н. Медицина и власть // Нов. лит. обозрение. 2013. № 122. С. 134–155.
- ³ См.: *Faryno J.* Чем и зачем писатели болеют и лечат своих персонажей? // *Studia Litteraria Polono-Slavica*. № 6. Warszawa, 2001. S. 485–494; *Фатеева Н.* Семантическое поле «болезни» в поэтической системе Пастернака // Там же. S. 307–322; *Трубецкова Е.* Болезнь как способ остранения: «новое зрение» В. Набокова // *Вопр. литературы*. 2014. № 3. С. 184–207.
- ⁴ Алданов М. Повесть о смерти. М., 1990. С. 396.
- ⁵ Алданов М. Собр. соч. : в 6 т. М., 1991–1993. Т. 5 : Истоки (окончание). С. 243–244. Далее цитируется это издание с указанием тома и страниц в скобках.
- ⁶ Шойфет М. Сто великих врачей. М., 2006. С. 312.
- ⁷ *Кизеветтер В. М.* Алданов. Чертов мост // *Современные записки*. 1926. № 28. С. 478.
- ⁸ См.: *Illich I.* Health as One's Own Responsibility – No, Thank You! URL: <http://www.pudel.uni-bremen.de/pdf/Illich> (дата обращения: 02.12.2016).
- ⁹ См.: Алданов М. Собр. соч. : в 6 кн. М., 1994–1996. Кн. 6 : Ульмская ночь. Литературные статьи. С. 208–296. О роли случайности и непредсказуемости в романах Алданова см.: *Трубецкова Е. В.* Набоков и М. Алданов: Диалог о Случае в истории // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2007. Т. 7, вып. 2. С. 62–69; *Ее же.* «Узлы» истории в изображении М. Алданова и А. Солженицына // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 73–78.
- ¹⁰ См.: *Сонга С.* Болезнь как метафора. М., 2016.
- ¹¹ *Дронова Т.* Марк Алданов // *Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков : в 3 т. / ред.-сост. А. Г. Гачева, С. Г. Семенова, Е. М. Трубилова*. Т. 1. Кн. 2. М., 2016. С. 513. См. также: *Ее же.* Роман М. А. Алданова «Истоки»: художественно-философский анализ исторических предпосылок XX века // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 85–90.

Образец для цитирования:

Трубецкова Е. Г. «История болезни» в романах М. А. Алданова // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика*. 2017. Т. 17, вып. 3. С. 323–326. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-323-326.

Cite this article as:

Trubetskova E. G. 'Case History' in M. A. Aldanov's novels. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 3, pp. 323–326 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-3-323-326.